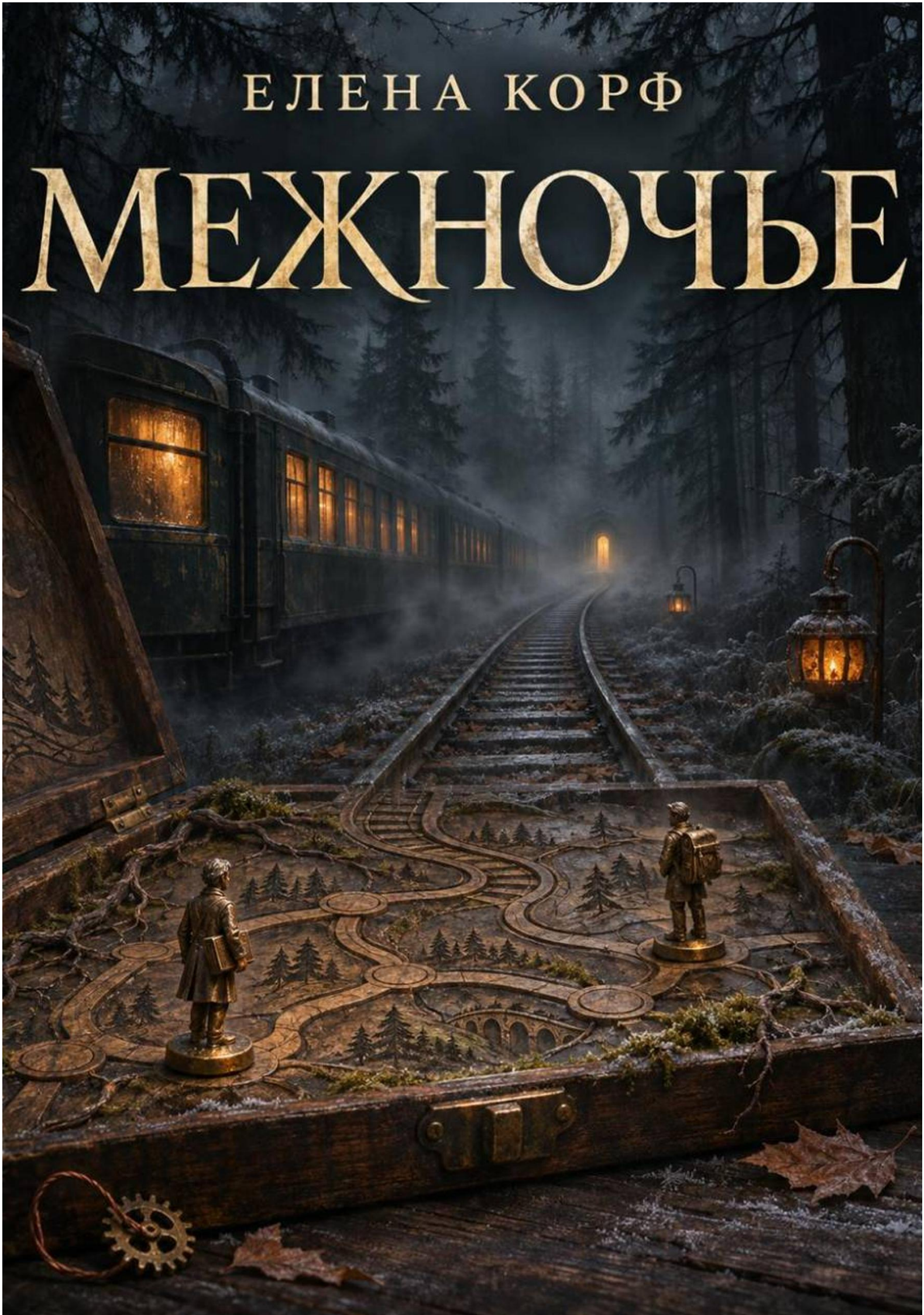

ЕЛЕНА КОРФ
МЕЖНОЧЬЕ

Елена Корф

Межночье

«Автор»
2026

Корф Е.

Межночье / Е. Корф — «Автор», 2026

«Двое начинают. Игра окончена, когда оба вернулись».Программист Сергей Борисов уверен: любую странность можно объяснить. Его школьный друг, альпинист Евгений Семипалатов, доверяет приметам — и порой помогает удаче собственными руками. За сорок лет они привыкли к слабостям друг друга. Старую настольную игру, найденную в шкафу погибшего тренера, тоже можно было бы счесть безобидной причудой.До первого хода.Теперь друзья стоят на туманной станции, где вместо фонарей светятся тыквы. Поезд увозит их в тайгу, дома поглощают жильцов, а за переправу требуют то, чего потом не купишь ни за какие деньги.Сергей ищет закономерность. Евгений присматривается к лазейкам. Игра тем временем возвращает их к давнему обещанию, о котором один предпочитает молчать, а второй давно перестал спрашивать.Дорогу домой придётся искать вместе. Даже когда самым опасным выбором окажется довериться другу.

© Корф Е., 2026
© Автор, 2026

Межночье

Межночье

Рассказ первый. Попутчики

– Только не говори, что сам сделал, – попросил Сергей Иванович.

– Сам нашёл. Тоже работа.

Евгений поставил на кухонный стол плоский деревянный ящик и принялся развязывать шнур. Узел, разумеется, был морской. Пакет с помидорами он тоже завязывал так, словно помидорам предстояло восхождение.

– Из клуба забрал. Там сейчас всё на выброс.

– Я говорил с владельцем помещения. Можно ещё…

– Серёжа. Мы сорок лет дружим. Давай хотя бы сегодня ты никого не будешь спасать по телефону.

Сергей убрал руку с мобильного.

– Давай. Но завтра продолжу.

Евгений усмехнулся и потянул шнур за нужный конец.

В свои пятьдесят четыре он сохранил фигуру человека, которому регулярно приходится висеть над пропастью. Подтянутый, сухой, с обветренным лицом и белым следом от старого ожога на запястье. Седеющие волосы стриг коротко; перед дальней дорогой не стриг вовсе и сердился, если Сергей об этом напоминал. Со школы его приметы сделались сложнее: в восьмом классе для удачи хватало пятака под пяткой.

Сергей за последние годы приобрёл живот и привычку щуриться поверх очков. Известность тоже приобрёл, но обращался с ней небрежно: однажды пришёл на вручение премии с магазинной наклейкой на рукаве. Евгений наклейку заметил. Сказал о ней уже после фотографирования.

Зато когда Сергея прихватило в горах, именно Евгений спускал его к дороге. Потом трое суток сидел у больничной койки и ругался со всеми, кто предлагал подождать до утра.

Про наклейку Сергей помнил. Про больницу – тоже.

– Что это у тебя? Шахматы?

– Если шахматы, то с последствиями. Тяжёлая зараза.

Ящик был размером с большой ноутбук. По потемневшей крышке шёл поезд: низкие прямоугольные вагоны на маленьких колёсах, на стенах – выцветшая роспись. Рыба под жёлтым кругом, чёрная птица, переплетённые ветви. Дальние вагоны терялись в серой краске, которую художник нанёс почти сухой кистью.

Сергей провёл пальцем по буквам:

– «Межночье». Хорошее название. Откуда?

– Из кладовки. Разбирал шкаф Геннадия Петровича. Там ещё кошки сорок второго размера и банка сгущёнки, которая пережила Советский Союз.

При имени первого тренера оба на секунду замолчали.

– Надо было его дочери отдать, – сказал Сергей.

– Она сама велела всё вынести. Ей шкаф нужен.

Евгений поддел ногтем латунный крючок. Крышка открылась туго, с сухим деревянным стоном.

Внутри оказалась карта. Через леса, болота и горы тянулась железная дорога. У станций стояли крошечные столбики, но названий Сергей не разобрал: буквы были вдавлены в дерево и забиты тёмным воском. Последняя станция пряталась под приклеенным бумажным клапаном.

В углублениях лежали две латунные фигурки, кубик и колода узких карточек. У одной фигурки за плечами был рюкзак, вторая держала что-то похожее на книгу.

– Этот твой, – Евгений сунул Сергею человека с книгой. – Инструкция к чайнику. Ты же без документации даже воду не кипятишь.

– Именно поэтому у меня до сих пор все чайники живы.

Впрочем, большинство коллег Борисова документацию не читали. Звонили ему. После того как его программа получила международную премию, звонить стали и незнакомые люди. Обычно просили вернуть пропавшие фотографии.

На внутренней стороне крышки помещались три строчки:

На картинку посмотри:

Что снаружи?

Что внутри?

Ниже, мелкими буквами, было выжжено:

«Двое начинают. Игра окончена, когда оба вернулись».

– Кооперативная, – обрадовался Сергей. – Хоть здесь ты не будешь со мной жульничать.

– В преферансе ты тоже всё время радуешься заранее.

Пока Сергей рассматривал крепления карты, Евгений перебрал карточки. На одной задержался, перевернул её, посмотрел ещё раз. Затем расстегнул куртку и потянулся за очками в нагрудный карман свитера. Карточка исчезла вместе с рукой.

– Правила есть? – спросил Сергей.

– Нет. Картинки какие-то.

Он положил колоду на стол.

Сергей решил, что игру изготовили для туристического слёта. Геннадий Петрович любил всякие испытания: определить азимут по сломанному компасу, развести костёр под дождём, накормить двенадцать человек из расчёта на восемь. В последнем упражнении обычно побеждала сгущёнка.

– Пробуем?

– А зачем я её тащил?

Евгений бросил кубик. Тот ударился о край карты и остановился на трёх. Евгений подхватил его раньше, чем Сергей успел надеть очки.

– Шесть.

– Конечно.

Человечек с рюкзаком прошёл шесть делений и встал у первой станции.

Сергей выбросил два. На втором делении в дереве обнаружилось круглое углубление. Он поставил туда свою фигурку, слегка прижал, чтобы не падала.

Внутри ящика что-то щёлкнуло.

На плите засвистел чайник.

– Я выключил, – сказал Сергей.

Свист продолжался. Низкий, протяжный, он заставил задребезжать ложечку в сахарнице. Сахарница медленно поползла по столу.

Евгений придержал её ладонью.

– Серый…

Стул под Сергеем качнулся. Он схватил ящик, спасая его от падения, и тут на кухне пошёл снег.

Несколько мокрых крупинок упали ему на запястье. Одна зацепилась за волосок и растаяла.

Сергей ещё успел подумать о вентиляции.

Потом стула не стало.

Он тяжело опустился на корточки, ударился локтем о ящик и почувствовал под тапочками хруст мелкого гравия.

Впереди лежали рельсы.

– Сиди, – сказал Евгений.

Сам он уже стоял, широко расставив ноги. Одной рукой держал Сергея за ворот домашней рубашки, другой ощупывал воздух перед собой.

– Зачем?

– Пока не знаю.

Сергей медленно выпрямился.

Туман шёл над землёй неровными полосами. Над головой проступала крыша станционного навеса, чуть дальше – часы с единственной стрелкой. Стрелка подрагивала возле двенадцати.

На месте фонарей торчали железные прутья с насаженными тыквами. В боках были прорезаны круглые отверстия. Из них сочился оранжевый свет; он ложился на рельсы короткими пятнами и едва доставал до следующего столба. Под ближайшей тыквой лежали семечки, припорошённые снегом.

За путями стоял поезд.

Сергей узнал птицу на первом вагоне. Теперь он видел каждое перо на её крыле. Под жёлтым кругом темнели потёки, по деревянной обшивке ползли капли. Из-под колёс поднимался пар.

На картинке поезд выглядел игрушечным. Здесь каждое колесо доходило Сергею до груди.

Он посмотрел на ящик в своих руках. На кухне под крышкой лежала целая железная дорога. Здесь карта была пуста. Осталась одна вдавленная линия.

– Хороший розыгрыш, – сказал он.

– Ты сейчас серьёзно?

– Нет. Но с чего-то надо начать.

Он достал телефон. Экран включился, фонарик тоже. Свет упёрся в туман, выхватив десяток снежинок. Сети не было.

Евгений присел и потёр между пальцами щебёнку.

– Настоящая.

– Декорации и бывают настоящими.

– А кухня куда делась? Её тоже арендовали?

Сергей не ответил. Его начинало трясти. На Евгении была куртка, на нём самом – рубашка и тапочки с продавленными пятками. Ещё минуту назад это казалось подходящей одеждой для субботнего вечера.

В поезде скрипнуло окно.

Из него высунулась женщина в белом платке. Она держала на сгибе локтя большую выдолбленную тыкву, прикрытую сверху лоскутом ткани. Внутри тлели угли. Женщина покачивала её и тихонько напевала.

Сергей видел узкую ладонь под круглым тыквенным боком. Кожа была серая, в тёмных трещинах. Из-под платка свешивались волосы, слипшиеся на концах, будто женщина только что поднялась из воды.

Она повернула голову.

На миг Сергею показалось, что у неё молодое лицо. Затем свет от углей упал снизу, обозначил беззубый рот и тяжёлый старческий подбородок.

– Пассажиры? – спросила она.

– Мы пока выясняем, – ответил Сергей. – Что это за станция?

Женщина поправила ткань на тыкве.

– Посадочная.

– А географически?

– Замёрзнешь, пока выговорю.

Евгений стиснул Сергею плечо.

– Не надо с ней разговаривать.

– Предлагаешь написать?

– Полуночница, – почти беззвучно произнёс Евгений.

Женщина перестала качать тыкву.

– Слышу.

По стеклу за её спиной пробежала тень раскрытых крыльев.

Евгений отступил на шаг.

– Мы не по своей воле, – сказал он.

– У меня таких полпоезда.

Сергей переложил ящик под мышку. От замёрзших пальцев уже мало было толку.

– Нам домой нужно.

– Всем нужно. Билеты приготовьте.

– У нас нет билетов.

Полуночница взглянула на ящик.

– Плохо искали.

Она закрыла окно, оставив щёлку. Из щёлки ещё несколько секунд тянуло печным жаром. Потом ветер переменился, и Сергей почувствовал запах мокрых шпал.

– Уходим, – сказал он.

– Куда?

За станционным зданием в туман уходила дорожка. Виднелись перила и низкая калитка.

– По крайней мере, подальше от путей. Найдём дорогу, людей.

– Людей ты уже нашёл. Одна в окне маячит.

– Женя, если я сейчас назову её злым духом, у нас появится план?

Евгений снял куртку.

– Надень.

– Сам замёрзнешь.

– На тебе тапочки. Не спорь с тренером.

Под курткой у него оказался толстый флисовый свитер. Сергей продел руки в рукава. Молния не сошлась на животе.

– Подрос, – заметил Евгений.

– Работаю над собой.

Они двинулись к калитке. Ящик Сергей нёс обеими руками.

Первые метры дорожка шла ровно. Потом под ногами захлюпала вода, и Евгений попросил остановиться. Сергей уже нащупал впереди перила.

Под ладонью оказалось тёплое дерево.

Он поднял голову.

Над ним светилась тыква. Та самая, с узким кривым отверстием в боку. Внизу лежали примятые их ногами семечки.

Только стояли они теперь по другую сторону путей.

– Не двигайся, – сказал Евгений.

Из-под тапочки посыпались камешки. Сергей посмотрел вниз и увидел между шпалами воду. Рельсы шли по узкой насыпи, у которой не было откоса: щебёнка обрывалась ровно, как срезанный ножом край пирога.

Вода внизу не отражала тыквенный свет.

Евгений осторожно забрал у него ящик, поставил на рельс. Затем расстегнул поясной ремень.

– Берись. Медленно. На меня смотри.

Ремень натянулся. Сергей сделал шаг, второй. Под пяткой хрустнуло, нога поехала вбок. Евгений рванул его на себя, и оба сели в мокрый снег.

Некоторое время слышалось только их дыхание.

– Ну что, – выговорил Евгений, – до людей дойдём или уже хватит?

Сергей вытер ладонь о брюки.

– Хватит.

– Уверен?

– Сейчас – да.

Возвращались по шпалам. Евгений шёл первым, проверяя каждую ногой. Поезд стоял неподвижно, но отдельные колёса медленно поворачивались. Сергей старался на них не смотреть.

На платформе он сел на скамью и открыл ящик.

Фигурки исчезли. В тех углублениях, где они лежали, обнаружились маленькие кольца. Сергей потянул за оба, приподнял деревянную вставку.

Под ней лежали два картонных билета.

«Сергей Иванович Борисов. Вагон 6».

«Евгений Валерьевич Семипалатов. Вагон 6».

Пункт назначения был обозначен одним словом: «Межночье».

– Индивидуальная печать, – сказал Сергей и сам услышал, как жалко это прозвучало.

Евгений взял свой билет.

– Может, ещё и завтраком накормят.

За спиной Сергея кто-то кашлянул.

Евгений сразу поднял голову.

На другом конце скамьи сидел человек в штормовке. Лица под капюшоном не было видно. Из рукавов торчали голые кисти; правую обвивал знакомый синий шнурок с двумя узлами.

Таким шнурком Геннадий Петрович подвязывал свисток.

– Семипалатов, – негромко позвал человек. – На этот раз дождёшься?

Евгений перестал дышать.

Сергей узнал штормовку. На левом плече темнела косая заплата, которую он сам пришивал на турбазе, за несколько дней до последнего выхода.

– Не подходи, – сказал Евгений.

– Я вижу.

– Я тебе говорю…

– Женя. Я его тоже вижу.

В окне звякнула щеколда.

– Скамейки у нас памятливые, – сказала Полуночница. – Сидеть долго не советую.

Евгений резко обернулся к ней.

– Это он?

Она потянула край ткани, прикрывая угли.

– Тебе лучше знать.

Человек на скамье пошевелил правой рукой. В темноте коротко блеснул свисток.

Сергей закрыл ящик. Давно, в больнице, он спрашивал Евгения, нельзя ли было вернуться. Потом перестал спрашивать. Врачи объяснили ему, сколько оставалось до отёка лёгких, а спасатели – что делалось в ту ночь на перевале.

Сейчас он поднялся и встал между другом и скамьёй.

– Нам в шестой, – сказал он женщине.

Шестой вагон оказался последним из тех, что удавалось разглядеть. На его стене была нарисована зимняя тайга: чёрные стволы, синий снег и тонкая полоска заката между ветвями. Краска облупилась возле дверной ручки.

Дверь открылась, едва Евгений потянул за неё.

За порогом шумел лес.

Сергей различил высокие сугробы, еловую лапу совсем близко и следы, уходившие от подножки в темноту. Ветер швырнул ему в лицо горсть колючего снега.

Евгений захлопнул дверь.

– Вот тебе и завтрак.

Сергей осторожно потрогал обшивку. Настоящее дерево, несколько слоёв краски. За ним не могло поместиться и одной ели.

В соседнем вагоне отодвинулась занавеска.

Там горела лампа под оранжевым абажуром. На столе стояли стаканы с чаем, лежал нарезанный хлеб. Седая женщина в вязаной кофте подняла голову и поманила их рукой.

– Сюда давайте. Чего на морозе стоите?

На спинке стула сохла куртка. Возле батареи были аккуратно поставлены мужские ботинки.

Евгений сделал шаг к соседней двери.

Сергей удержал его за рукав.

– Погоди.

Он посмотрел на зимний лес, нарисованный на шестом вагоне. Потом открыл ящик и повернул крышку к свету.

На картинку посмотри:

Что снаружи?

Что внутри?

– Покажи билет.

– Ты же видел.

– С другой стороны.

Оборот билета был чистым. Сергей поднёс его ближе к тыкве. На просвет проявились тонкие буквы:

«Вход снаружи».

Он снова открыл дверь шестого вагона. От ветра пришлось зажмуриться.

– Мы на улице, – сказал Евгений. – Это снаружи.

Сергей не ответил. На внутренней стороне двери висел потёртый номерок: «6». Под ним белела табличка «Выход».

Он оглянулся.

Весь поезд был выкрашен картинами. Ни шва между рамой и стеной, ни стекла. В окне пятого вагона женщина продолжала держать руку на весу. Чай в стаканах парил, но её пальцы оставались неподвижными.

Сергей закрыл дверь.

– Это выход в картину, – сказал он. – Там лес. Здесь он нарисован.

Евгений посмотрел на туман, на навес, на мокрый ящик.

– А вход?

– Должен быть с этой стороны. Только мы ищем обычную дверь.

– Серёжа, мне сейчас очень не хватает твоего предложения вызвать мастера.

Сергей присел перед росписью. Под чёрными деревьями виднелись неглубокие царапины. Почти у самой платформы в стену было вделано маленькое железное кольцо. Его закрасили вместе со снегом.

Он потянул.

Часть тайги сдвинулась вперёд. Тяжёлая створка легла нижним краем на платформу, открывая низкий проход. Из прохода пахнуло горячим металлом, пыльной дорожкой и крепким чаем.

Сергей опустился на четвереньки и заглянул внутрь.

Узкий коридор, двери купе, ковёр с коричневыми ромбами. На стене висело зеркало. В нём отражались его взлохмаченная голова и Евгений за плечом.

– Кажется, нашли.

– Кажется ему. Пятьдесят четыре года человеку, а всё лезет, куда открывается.

Вдали, за туманом, ударил колокол.

Тыквенные фонари начали гаснуть. От дальнего к ближнему, по одному.

Евгений взял ящик и первым протиснулся в проход. Обернулся, протянул руку.

– Давай.

Сергей уже поставил колено на деревянный край, когда со стороны скамьи раздалось:

– Борисов. А ты опять ничего не спросишь?

Он замер.

За все прошедшие годы Геннадий Петрович ни разу ему не снился. Сергей вдруг понял, что помнит заплату, шнурок, свисток – и почти забыл голос.

– Серый, – позвал Евгений.

Сергей посмотрел на протянутую руку. Белый шрам на запястье был отчётливо виден в вагонном свете.

– На перевале… – начал он.

Евгений не отвёл глаз.

Последняя тыква погасла.

– В поезде, – сказал Сергей.

Он взялся за руку друга, и тот втянул его внутрь.

За их спинами с глухим стуком встала на место деревянная створка. В коридоре было тепло. Где-то звякнул стакан, за стеной кто-то долго устраивался на полке.

Сергей сел на ящик. Тапочки промокли насквозь.

Евгений стоял рядом, согнувшись, упираясь ладонями в колени.

Из глубины коридора вышла Полуночница.

Здесь её платок оказался чёрным. Она несла тыкву, прижимая к груди. Сквозь дырочку в ткани тянулась тонкая струйка дыма.

– Билеты.

Сергей протянул свой. Евгений, помедлив, тоже достал билет.

Она проколола их компостером, посмотрела на Евгения, затем на Сергея.

– До конечной?

– До дома, – ответил Сергей.

– Тогда через Сибирь. Прямого нет.

Полуночница вернула билеты и пошла дальше, покачивая свою ношу. Когда она поравнялась с зеркалом, Евгений прикрыл его плечом. Сергей заметил движение, но ничего не сказал.

Поезд тронулся.

Ящик под Сергеем нагрелся. Он встал, открыл крышку и увидел на карте две латунные фигурки. Теперь они находились рядом, в крошечном шестом вагоне. Впереди, под медленно отступавшим слоем воска, проступало название следующей станции.

Евгений сел на откидное сиденье. Сквозь флис он чувствовал уголок карточки в нагрудном кармане. Достал её, прикрыв ладонью от Сергея.

«Запасной выход.

На одного пассажира».

Он снова спрятал карточку и наклонился к другу – читать название станции.

Рассказ второй. За разговор

В купе пахло мокрой шерстью, железом и печёными яблоками. Последнее Сергей счёл хорошим признаком. Где-то здесь должны были кормить.

Он пристроил тапочки под трубой отопления, сел на нижнюю полку и принялся растирать ступни. Труба была обмотана вытертым полотенцем. От полотенца шёл жар, но стоило коснуться голого металла – пальцы сводило от холода.

Сергей проверил ещё раз.

– Не трогай, – сказал Евгений.

– Пытаюсь понять принцип.

– Поймёшь – онемевшими руками штаны застёгивать будешь.

На столике стоял стакан в подстаканнике. Чай в нём покачивался в другую сторону, чем вагон. Под потолком дребезжала решётка, из которой тянуло хвойным дымом. Вышитая занавеска была прихвачена к стене медным колечком; по её краю кто-то аккуратно, мелкими стежками, зашил прожжённые дыры.

Сергей накинул Евгению на плечи его куртку.

– Спасибо.

– За куртку или за то, что пока живой?

– За всё.

Евгений повесил куртку на крючок и сел напротив. При обычном освещении он выглядел старше, чем на станции. На щеке налипла чёрная песчинка. Он смахнул её, но на том же месте осталась другая.

По коридору прошла Полуночница. Теперь её было слышно заранее: при каждом шаге угли шуршали о тыквенную корку. Тоненький голос тянул за стеной одно и то же слово. Сергей не мог разобрать, какое.

Дверь соседнего купе приоткрылась.

– Нельзя ли потише? – попросил кто-то.

Пение оборвалось.

– Можно, – ответила Полуночница.

Дверь быстро закрыли.

Евгений осторожно повернул щеколду на их двери. Она провернулась вхолостую.

– Уютно, – сказал он. – Ещё бы кипяточку.

На ящике с игрой щёлкнул крючок.

Крышка приподнялась сама. Внутри перекатился кубик: раз, другой. Латунные фигурки сдвинулись по карте и остановились перед маленькой перекладиной. На перекладине сидела вырезанная из дерева собака. Когда Сергей наклонился, собака медленно повернула голову.

Из колоды выехала карточка.

«Контроль».

Евгений потянулся к нагрудному карману. Резко, как к больному зубу.

– Что?

– Билет.

Сергей проверил карман куртки, потом рубашки. Ощупал края стола, заглянул под ящик.

Евгений уже стоял, вытряхивая куртку над полкой.

– Ты куда свой дел? – спросил он.

– В карман.

– Точно?

– Женя, его пять минут назад прокомпостировали у меня в руках.

Они проверили пол, щель у окна, постель. Сергей поднял матрас. Под ним лежала высохшая рябиновая веточка и пуговица с кусочком истлевшей ткани.

Билетов не было.

За дверью щёлкнули металлические щипцы.

Контролёр не постучал.

Дверь отъехала в сторону, хотя Евгений успел придержать её коленом. Вошедшему пришлось нагнуться: фуражка задела притолоку и оставила на ней полосу сажи.

Он был высок и сутул. Форменный китель застёгивался на пуговицы, похожие на печные заслонки. Из рукавов торчали чёрные, покрытые густой шерстью кисти. Одну он держал возле груди, второй перебирал щипцы. На кончиках щипцов тлело что-то красное.

От него пахнуло горелым зерном.

– Проездные.

– Были, – сказал Сергей.

Контролёр ждал.

– Только что были. Их проверила ваша сотрудница.

– Предъявите.

– Исчезли.

Чёрные пальцы перестали двигаться.

– Сами.

– Именно.

Контролёр положил щипцы на стол. Под ними сразу потемнела клеёнка.

– Ноги с полки уберите.

Сергей опустил ноги.

– Под кроватью искали?

– Искали, – ответил Евгений.

– Значит, порядок проверки вам известен. А порядок оплаты – нет.

Он вытащил из-за пазухи узкую расчётную книжку. Корешок у неё был обуглен, страницы стянуты медной проволокой.

Евгений смотрел на чёрную шерсть у его запястий.

– Овинник?

– Для пассажиров – контролёр.

– Вы же… при овине.

– А ты при горе. Однако едешь.

Сергей подвинул ящик к краю стола.

– Послушайте. Мы начали играть дома. Нас сюда перенесло. Сейчас игра сделала следующий ход, и билеты…

– Мне в пятом вагоне один объяснял, что он во сне. Другой – что помер и ему всё можно. Я безбилетных по убеждениям не разделяю.

Он раскрыл книжку. Страницы разошлись, и между ними на секунду шевельнулось что-то розовое.

Сергей отодвинулся от стола.

На полях одной страницы было человеческое ухо. Маленькое, с оттопыренной мочкой. Оно прижалось к бумаге, когда контролёр провёл по нему пальцем.

– На ближайшей остановке высажу обоих.

– Мы не знаем, что там за остановка, – сказал Евгений.

– Охота знает. Собаки уже поданы.

За окном протяжно завыл пёс. Второй подхватил ниже, почти под самым вагоном. Поезд шёл быстро; вой не отставал.

– Дикая Охота? – спросил Евгений.

– Хочешь представлю?

Сергей попробовал заглянуть в окно, но контролёр встал между ним и столом.

– К стеклу не прислоняйтесь. Унюхают – потом до утра обшивку менять.

– А если мы откажемся выходить?

Контролёр оскалился. От его зубов шёл тусклый жар.

– Тогда не выйдете. Пойдёте в котёл. С угольком перемежу, чтобы тягу не забили.

Сергей осторожно убрал пятку с полотенца.

– Купить можем? – спросил он.

– Можете.

– Картой?

– Памятью.

Евгений сел.

Контролёр обмакнул перо в маленькое отверстие возле верхней пуговицы. На кончике выступила чёрная капля.

– На двоих принимается один общий вечер. Такой, который ещё раз прожили бы. Каждый рассказывает свою часть. Событие остаётся там, где было, а память о нём переходит в оплату.

– Мы забудем? – уточнил Сергей.

– Оба.

– Только этот вечер?

– Если только о нём расскажете.

Перо чуть скрипнуло.

Сергей посмотрел на ухо в книжке.

– А это…

– Сдача.

За стеной засмеялись. Смеялся мужчина – негромко, смущённо.

– Да я в молодости вообще без тормозов был. Мы однажды с ребятами…

Его голос сделался тоньше. В вентиляционной решётке зашуршало, и из неё вытянулась полоска бумаги.

На полоске шевелились губы.

– …на крыше сарая…

Контролёр раздражённо втянул воздух. Бумага скользнула к его книжке.

За стеной кто-то выдохнул:

– А меня как?..

Контролёр захлопнул книжку. Смеха больше не было.

Евгений схватил Сергея за предплечье.

Овинник смотрел на них без всякого выражения.

– Расчёт в соседнем купе завершён. Говорил же: после оплаты молчать.

– Что с ним? – спросил Сергей.

– Рассказал больше, чем требовалось.

– Вы его предупредили?

– Как вас.

Он подвинул книжку ближе. На её обложке проступила надпись, будто продавленная с обратной стороны:

«Если много говорить – себя можно позабыть».

Сергей прочёл её дважды.

В коридоре повеяло прохладой. За спиной контролёра из-под соседней двери выползли бумажные ленты. На одних сохранились строчки, на других – отпечатки пальцев. Маленькая кисть на краю узкой полосы пыталась зацепиться за ковровую дорожку. Поезд качнулся, и полоску унесло к тамбуру.

– Закройте дверь, – попросил Сергей.

Овинник не двинулся.

Евгений встал и закрыл сам.

Они долго не могли выбрать вечер.

Не потому, что хороших вечеров не было. Вспоминалось слишком многое. Сергей открывал рот – и останавливался, прикидывая, что останется, если отнять именно это.

Овинник терпеливо обдирал ногтем пригоревший край клеёнки.

– А кошмар можно? – спросил Евгений.

Контролёр поднял голову.

– Пережить заново захочешь – можно.

– Есть одна история. Про Геннадия Петровича.

Сергей почувствовал, как натянулся рукав под его ладонью. Он всё ещё держал друга за локоть.

– Женя.

– Что? Нам ехать надо.

– Ты хочешь туда ещё раз?

Евгений отвернулся к окну.

Овинник перестал скоблить стол.

– Смертью у меня не рассчитываются. Её здесь и так хватает.

– Я не смерть предлагаю. Я знаю, почему…

– Не надо, – сказал Сергей.

Евгений медленно повернулся к нему.

– Вот как.

Сергей отпустил рукав. На свитере остались вмятины от пальцев.

Он хотел добавить «не при нём». Но представил, что контролёр сейчас уйдёт, дверь закроется – и слушать всё равно придётся.

Контролёр ждал.

– Четырнадцатилетие, – сказал Сергей.

Евгений опустил глаза.

– Моё?

– Твоё.

– Там и вспоминать нечего.

– Ты только что дёрнул щекой. Значит, есть.

Овинник приоткрыл книжку.

– Это годится.

Евгений провёл ладонью по лицу.

– Ты понимаешь, какой вечер?

– Понимаю.

– Мог бы другой выбрать.

– Выбери.

За окном один раз коротко тявкнули. В тамбуре звякнула цепь.

Евгений сел. Подтянул к себе стакан, но пить не стал.

– Начинай.

– У вас на столе была клеёнка в клетку, – сказал Сергей. – С маленькой дырочкой возле солонки.

Он помнил, как мать Евгения заставила дырочку вазой и всё время эту вазу поправляла.

Перо коснулось бумаги.

Клетка поблекла.

– Погоди, – сказал Сергей.

Контролёр остановился.

– Что?

– Я ещё не закончил.

– А я не по окончании беру. Слово за слово. Так что не торопитесь.

Сергей сглотнул.

– Ты всех позвал. Из класса.

– Восемь человек.

– Восемь. А пришёл я.

– Ты тоже опоздал.

– За тортом стоял. Там привезли свежие, очередь от дверей.

Сергей почти чувствовал под пальцами шпагат, врезавшийся в картонную коробку. Торт накренился по дороге. С одного края сползла кремовая роза, и он пытался поправить её маминым ключом.

Этого воспоминания уже не было.

Он знал, что только что говорил о торте, но не мог вспомнить ни коробку, ни дорогу от магазина.

Под пером шевельнулась новая страница.

Евгений наклонился вперёд.

– Мама всё спрашивала, когда остальные придут. Она бутерброды с утра делала. И компот. Шесть литров.

– Потом ты выставил стулья.

– Не надо про стулья.

Овинник повернул перо между пальцами.

– Как хотите. За час доедем до разъезда.

Евгений выругался вполголоса, без слов – одним выдохом.

– Я куртки на стулья повесил, – сказал он. – И кепки. Чтобы мама из кухни не сразу поняла. Она без очков плохо видела.

Сергей помнил, как они усадили за стол плюшевого медведя. Евгений надел на него отцовский галстук. Медведь сползал, его подпирали подушкой. Сергей наливал компот в стаканы перед пустыми стульями и уверял хозяйку, что ребята просто вышли на лестницу.

Теперь стол отдалялся. Сергей попытался удержать его, вспомнить хотя бы, какого цвета был галстук.

Овинник заскрипел пером быстрее.

– Только про этот вечер, – шепнул Евгений. – Слышишь? По очереди.

Сергей кивнул.

– Потом она ушла к соседке. Сказала, чтобы не мешать.

– Она всё поняла, – сказал Евгений. – Я тогда думал, что обманул. А она на кухне плакала. Я слышал.

Овинник стряхнул с пера каплю. Та прожгла бумагу и повисла под страницей, как крупинка угля.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.